

торику, то может и той с начетом прочих книг добре риторствовать, при-
совокупя к сему Раймундову философию или метафизику. И тако⁶⁸ зде
предлагается краткий сий и ясный новосочиненный в северных странах
синтаксис, посем краткая и ясная приложена знатного российского ритора
Феофана Прокоповича риторика, а потом и сочиненные чрез риторские
места нашим ритором Андреем Дионисиевичем предлагаются два слова,
дабы желающие изучитися риторскому художеству по изучении синтак-
сиса и риторики чиновне умели слагати и целые слова».

В рукописях поморского письма часто встречаются «слова» с выделе-
нием риторического костяка на полях, т. е. с указанием, по какой форме
сочинена та или другая проповедь. Здесь мы ограничимся указанием
лишь на те, которые сочинены по люллианским формам. Таково «слово»
А. Борисова, выгорецкого киновиарха (умер в 1790 г.), на текст «Кто бог
велий».⁶⁹ На полях обозначено: «Сочинено по форме богословской». Иначе
говоря, в основу положены 9 абсолютных предикатов Люллия с добавле-
нием «естества, единства, и совершенства» (составляющих предмет I части
«Великой науки»)⁷⁰.

Семеном Денисовым, братом Андрея, написано «Рассуждение о пре-
дивном величестве природы человека».⁷¹ Оно начинается так:

«Елико дивна есть высота человеческого естества, елико изрядно про-
странство изобилия, елико превзято величества его богатство, имже тако
высоце превзятяся, толико светле превознесеса, яко и острейшим в рассу-
ждении умовом к толикому превзятия имству недоумеватися. Велика убо
есть и вся тварь, дивна же и преславна, занеже от превеликого и предив-
ного бога от небытия в бытие приведена; обаче числу, весу и мере подле-
жит оная, по речению премудрого: вся в число, вес и меру сотво-
рил еси. Естества же человеческого пребогатое довольство преизобильнише
и светльше показуется».

Мы узнаем здесь уже знакомые нам люллианские категории: «есте-
ство», «величество» и т. д. Дальше оратор гуляет по лестнице люллиан-
ских «существ» (subiecta):⁷²

«Велико есть и толико дивно высокопротяженное небо... светло есть и
пресветло светозарное солнце... добри суть чувствителнии животнии...
дивни во истину и предивни во всех и паче всех святыи небеснии ангели»
и т. д.

Наконец, из следующего отрывка мы окончательно убеждаемся, что
естественно-научные сведения «Великой науки» должны были всецело слу-
жить «красоте слога»:

«Добри суть чувствителнии животнии, зверие, скоти и птицы, от них
же велици елѣфанты, крепци лви, быстри елени, скоролетательни орли,
сладкопесниви славии. Но вси сии человеческим премудрым разумом, див-
ними человека художества смиряеми изрядне укротеваются, и толика
оных сила, толико многомошная крепость, такова воздухоходная быстрота
человеку всепокорно покоряется».

Таким образом, навсегда покончив с представлением о «Великой
науке» как энциклопедии реальных сведений, мы открываем для историка

⁶⁸ В списке Q.XVII.200 (Богд. 50) после этих слов читаем: «для сего учения
вкратце».

⁶⁹ Список Друж. 384 (БАН), лл. 188—194.

⁷⁰ На полях в соответствующих местах проставлено: «естество, единство, совер-
шенство, доброта, великость, пребывание, власть, разум, сила, истина, слава».

⁷¹ Список ГПБ, О.1.355 (Богд. 39), лл. 227—249 об.

⁷² См. таблицу на стр. 294 настоящей статьи.